

А.А. Смирнов

«Союз любви и дружбы» в лирике А.С. Пушкина лицейского периода

Аннотация: Предметом данной работы является тема дружбы в лирике А. С. Пушкина в ее эволюции. Это прежде всего анализ литературной традиции в понимании самой темы и то представление о высших ее формах, которое существовало в окружении Пушкина и его единомышленников. Анализ подчинен задаче выяснить, какие литературно-общественные и этические традиции способствовали возникновению и формированию данной темы в поэзии Пушкина.

Ключевые слова: поэзия Пушкина, лирика лицейского периода творчества, тема любви и дружбы

Abstract: The subject of this work is the theme of friendship in the lyrics of A.S. Pushkin in its evolution. This is primarily an analysis of the literary tradition in the understanding of the topic itself and the representation of its higher forms that existed around Pushkin and with him associated. Subordinated to the task of analysis is to find out what literary, social and ethical traditions contributed to the formation of this theme in the Pushkin' poetry.

Key words: Pushkin's poetry, poems of the Lyceum period, the theme of love and friendship

В эпоху перехода от классицизма к сентиментализму, с его культом дружбы и интересом к частному быту отдельного человека, к проблемам личного счастья, расцветает элегия и жанр дружеского послания, наиболее полно развивающий тему дружбы в лирике.

Жанр послания сложился в римской литературе. Родоначальником его является Гораций. Одной из ведущих тем посланий поэта-философа является поиск душевного равновесия, в связи с чем он подробно рассуждает о счастье и условиях его достижения. Послание достаточно емкая «жанровой форма», чтобы вместить любое содержание и выразить его в нужной тональности. Личность автора здесь выражена больше, чем в каком-либо другом жанре. «Почти каждый из нас запечатлевает в письмах свой образ. Конечно, и в других видах письменной речи проявляется характер пишущего, но нигде

так очевидно, как в письмах»¹. Язык письма должен быть более литературным, чем просторечие.

Одним из первых учителей Пушкина был Н.М. Карамзин. В русской литературе образцы жанра послания, возрожденного сентиментализмом в XVIII веке, создал Н.М. Карамзин. Для публики его произведения были новостью и по содержанию и по тону, и были встречены ею с большим восторгом. Именно Карамзин впервые показал российскому читателю, что литература может быть «литературой для души». По мнению Карамзина, творец всегда изображается в творении, в лирическом послании он пишет «портрет души и сердца своего»². Послания Карамзина несут на себе отчетливую печать вкусов поэта, его чувствительной души, мирного характера. Но они являются и ярким свидетельством независимости литератора, чуждающегося политики, свободного в своих суждениях. От масонского субъективизма Карамзин вынес повышенный интерес к психологии, внутреннему миру человека, стремясь рассматривать внутренний мир вне его связи с миром внешним, царством дисгармонии и пороков. Поэта интересовала обычная жизнь, причем жизнь в тех ее проявлениях, которые не отмечены причастностью к политике государства. В политике автор усматривал необходимую связь с хаотическим внешним миром. И гражданственность, по его убеждению, исходила из недр души человека. Дружба – одна из глубоких человеческих потребностей. В дружбе Карамзин находит нравственный идеал, противопоставляя его светскому обществу, особенно вельможам, против которых он обрушивает свои гневные филиппики:

Прости! твой друг умрет тебя достойным,
Послушным истине, в душе своей спокойным,
Не скажут век о нем, чтоб он чинов искал,
Что знатным подлецам когда-нибудь ласкал. (105)³

Его герой стремится углубиться в свой внутренний мир, в жизнь душевных переживаний, а не материальных забот. Об этом свидетельствует «Послание Дмитриеву» (1794) – рассуждение поэта об отношении к жизни и счастью. Иллюзии счастья приходятся на весну жизни, но

...жизни алая весна
Есть миг, – увы! пройдет она,
И с нею чувства, мысли наши
Лишатся свежести своей. (136)

Юность – пора надежд, открытого сердца, любящего людей, готового на любые жертвы ради них:

¹ Деметрий. О стиле // Античные риторика. М., 1978. С. 273.

² Карамзин Н.М. Что нужно автору? // Избр. соч. Л., 1980. С. 122–124.

³ Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 105. Здесь и далее тексты стихотворных произведений Карамзина цитируются по данному изданию, в скобках в тексте указываются страницы.

И я мечтами обольщался –
Любил с горячностью людей,
Как нежных братьев и друзей;
Желал добра им всей душою;
Готов был кровию моею Пожертвовать для счастья их.

...Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет... (137),

доказывают нетленность зла в этом мире –

Ах! Зло над солнцем бесконечно,
И люди будут – люди вечно...» (137)

Зачем же жертвы для неблагодарных, неисправимых людей? Время разрушило идеалы, доказало бесперспективность стремлений к общественной пользе. А в отсутствие идеала надо радоваться малому. Общество глухо и жестоко, но всегда найдется одна родственная душа, которая заменит «мрачный свет». Уединение с другом, наслаждение тихими радостями жизни – вот цель поэта, умудренного опытом:

А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли
И где б, без страха и надежды,
Мы в мире жить с тобой могли,
Гнушаться издали пороком
И ясным, терпеливым оком
Взирать на тучи, вихрь сует,
От грома, бури укрываясь
И в чистом сердце наслаждаясь
Мерцанием вечерних лет,
Остатком теплых дней осенних. (138)

Поэт не идеализирует любовь и дружбу, это всего лишь средство меньше страдать при отсутствии возможности достичь идеала. Это утешение в мире, преисполненном зла:

Любовь и дружба – вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно – менее страдать... (139)

Тему простых, тихих радостей жизни и возможности «простого» счастья поэт продолжает в «Послании к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794). Счастье – предмет вождления всех людей, трактаты о счастье и рецепты его достижения история человечества насчитывает во множестве, однако «слова казались прекрасны, но только были несогласны». (141) Так в чем же оно? Не в славе, не в

почете, престолы и алтари тоже не дают его; одиночество Анахорета не есть счастье, оно ведет к сумасшествию, дружба от него спасает как приятное лекарство. Мир несовершенен, но

Каков ни есть подлунный свет;
Хотя блаженства в оном нет;
Хотя в нем горесть обитает, –
Но мы для света рождены
И должны в нем, мой друг, остаться. (144)

Надо иметь силы достойно пройти жизненный путь, – говорит этими строками поэт, – надо уметь довольствоваться малым: «Чем можно, будем наслаждаться» (144).

Лирический герой произведений Карамзина – не бурный гений, это человек простых чувств, крайне далекий от политики, углубившийся в свой внутренний мир и тяготящийся светским обществом. Его девиз –

Как можно менее тужить,
Как можно лучше, тише жить,
Без всяких суетных желаний,
Пустых блестящих ожиданий. (144)

От жизни трудно ждать подарков,
Но что приятное найдем,
То с радостью себе возьмем. (144)

Кто умеет довольствоваться малым,
Кто может быть приятным другом,
Любимым, счастливым супругом
И добрым милых чад отцом...
Тому сей мир не будет адом... (145)

«Не причиняй другим зла, и бог вознаградит тебя тихими радостями дружбы и любви», – вот рецепт счастья, предложенного автором послания.

В конце XVIII – начале XIX века послания становятся едва ли не ведущим поэтическим жанром. Все значительные авторы (Жуковский, Вяземский, Батюшков) наследуют поэтическую манеру Карамзина, обмениваясь между собой дружескими посланиями, которые, сохраняя свои индивидуальные особенности, все более или менее сходны. *Темой их является дружба и любовь*, описание скромного уединения поэта, где его посещает мечта-фантазия. Стихотворение Батюшкова «Мои пенаты» (1811) тоже принадлежит к числу дружеских посланий, а его адресаты – друзья Жуковский и Вяземский:

Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз
Беспечные счастливыцы
Философы – ленивыцы
Враги придворных уз,

Друзья мои сердечны
Придите в час беспечный
Мой домик навестить,
Поспорить и попить! (140)¹

Тональность этого шуточного дружеского послания, конечно, отличается от посланий Карамзина, характеризующихся некоторой дидактичностью и приподнятостью тона, но эти послания едины по сути сказанного. В стихотворениях молодых предромантиков описываются встречи с другом и скромные пиршества по этому поводу. Так, Жуковский писал Блудову:

Желанный день настанет,
Мы свидимся с тобой. (109)

Батюшкову:

Увей же скромну хату
Венками из цветов;
Узорным покрывалом
Свой шаткий стол одень,
Вооружись фиалом,
Шампанского напень,
И стукнем в чашу чашей
И выпьем все до дна;
Будь верной музе нашей
Дань первого вина. (105)

В.Л. Пушкин, который ни в чем не хотел отставать от младшего поколения, писал Д.В. Дашкову из Нижнего Новгорода, куда он бежал из Москвы при приближении Наполеона:

Мой милый друг, конечно,
Несчастье не вечно,
Увидимся с тобой,
За чашей круговой
Рукой ударив в руку,
Печаль забудем, скуку,
И будем ликовать...²

Темы дружбы, любви, описание внутреннего мира человека были *принципиально новыми* для поэзии конца ХУШ – начала ХІХ века. И произведения таких известных поэтов, как Карамзин, Жуковский, Батюшков, конечно, не могли оставить равнодушными читателей. Возникла масса подражаний. Послания прославленных лириков приводили читателей в состояние восторга. Достигли они и стен Лицея, где учился юный Пушкин.

¹ Батюшков К.Н. Поли. собр. стихотворений. М.; Л. 1964. С. 140. Здесь и далее тексты стихотворных произведений Батюшкова цитируются по данному изданию, в скобках в тексте указываются страницы.

² Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 678.

В лицейские годы детально осваивающий литературную традицию А.С. Пушкин тоже обращается к жанру посланий. Традиционной в лицейских посланиях Пушкина была не только форма, но и содержание, поэтические темы, картины, мысли. Стихотворение 1815 года «Городок», принадлежащее к группе дружеских посланий, заканчивается сентенцией:

Но друг мой, есть ли вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу. (I, 106)¹

Написанное в подражание «Моим пенатам» Батюшкова, оно своей главной частью имеет описание библиотеки, «литературного пантеона» поэта, но здесь же мы встречаем и батюшковские мотивы уединения, мягкой грусти, мечты о любовных наслаждениях, простодушной дружбы:

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот... (I, 96–97)

Утверждение жизни в ее радостях присутствует в творчестве Пушкина с самого начала. Но в соответствии с представлениями о поэте – мечтателе, философе – ленивце и самые радости жизни изображаются как тихие наслаждения. Это прежде всего дружба, сладкое времяпрепровождение с «милым другом», или уединение с любимой:

Покамест, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновлен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею? (I, 102–103)

«Мечтанье легкокрыло» сопровождает поэта-романтика в страну грез, любви и пламенных восторгов. Но мечтания отпускают его, и «добрый сосед» вполне реально зовет поэта «из дружбы хлеб-соль откусать с ним». Реаль-

¹ Здесь и далее тексты А.С. Пушкина цитируются по Полн. собр. сочинений: В 17 т. М.; Л., 1937–1948., в скобках римскими цифрами указан том, арабскими – страницы.

ность пробивается сквозь туман поэтических миражей. Стихотворение же «Н.Г. Ломоносову» 1814 года, посвященное брату лицейского товарища Пушкина, написано целиком в русле традиционного сентименталистского дружеского послания. Автор желает «любезному другу» благополучного путешествия в житейском море, «чтоб бурный вихорь не вздувал пред челноком шумящи воды!» Строки дышат надеждой на скорую встречу в уже знакомой нам «укромной хате» романтиков «за чашей пунша круговою». Вино и дружба – традиционные анакреонтические мотивы, почерпнутые у учителей. Соответственно, в рамках жанра и пожелания поэта:

Дай бог, под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С любовью, дружбой неразлучно! (I, 76)

Поэзия Жуковского, Вяземского, Батюшкова, Гнедича была, несомненно, исходной точкой русского предромантизма, взамен классической условности, создавали новую условность – романтическую. Их авторское «Я» отделено было от реальной авторской личности, непосредственная действительность отражалась в их поэзии лишь в свете общих представлений художественного сознания.

Все мотивы «Послания к Юдину» (1815), написанного также в духе Батюшкова – презрение к пышности «бедных богачей», возвышенный идеал простой жизни («мирные картины прелестной сельской красоты» (I, 170), мечты о гусарских подвигах, изображение «кельи молчаливой» – традиционной хижины романтиков, описание автора как философа-ленивца, небрежно марающего стансы – все эти мотивы условны, как условна сама форма послания. Но интонация, темперамент, жизненность и свежесть стиха – уже пушкинские. Конечно, молодому поэту, лишь начинающему осознавать свое «Я» в поэзии, трудно еще отказаться от прежних штампов, а потому в духе своих предшественников он пишет:

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать. (I, 167)

А мечты – о дружбе и любви:

... в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И все языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит... (I, 170)

Однако «мечтанья отлетели», призрак любви растворился во сне, а наяву осталась дружба – верная спутница и «сестра» любви. Другу и поверяет поэт свои грезы.

Одной из первых собственных картин стало описание Захарова, где он проводил летние месяцы 1806–1810 гг. В нем сказывается чисто пушкинская черта обрисовать обстановку двумя-тремя чертами. Однако в целом поэт во власти традиции – многословность, велеречивость посланий, которые должны были воспроизводить нескончаемость дружеской беседы – «К сестре» – 121 стих; «Князю Горчакову» (1814) – 45 стихов, «Батюшкову» (1814) – 83 стиха; «Юдину» – 226 стихов; «Городок» – 450 стихов и т. д.

Однако характерно, что чисто карамзинские послания Пушкин обращает либо к вымышленным адресатам («Городок» – К ххх), либо к тем, с кем у него не было тесных дружеских связей – к Юдину, Ломоносову, именно с ними он говорит об уединении, «мечтанье легкокрылом». В стихах же, посвященных более близким людям, уединение становится лишь фразой:

Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений... («К Галичу»; I, 121)

Уединение «в кругу бутылок и друзей» выливается в бурное пиршество, а не в задушевный разговор с «другом нежным». Следующее далее изображение славной дружеской пирушки исключает всякие иллюзии о необходимости уединения для поэта.

Эпикурейская проповедь наслаждения для Пушкина этих лет – главный критерий человеческого счастья. Воплощением гораццианских идеалов, веселым мудрецом являлся любимый наставник лицеистов, профессор Галич:

О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров...
О Галич, Галич! поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край! (I, 122–122)

«Покой уединенья» провозглашается и во втором «Послании к Галичу», но автор с тоской говорит, что «бегут за днями дни без дружеских собраний». Друг – поэт может быть счастлив только, если

Любовь его ведет,
И дружба молодая Венки ему плетет...
Пока же только
...Вакхом награжден
Философ благодарный... (I, 136)

Любовь, дружба и вино – вот триада, необходимая для счастья молодого поэта, и его совет звучит совсем не праздно:

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись

И с ними неразлучно
В пустыне уживись. (I, 137)

«Уединенье» и «пустыня» – это не одиночество, а лишь противопоставление холодным развлечениям и заботам «среди вихря света». И вот уже от наплыва гостей «полон становится... милый, тесный дом».

Если для карамзинистов дружба – утешение в мире без идеала, то для Пушкина дружба и есть идеал, счастье, лучшее в жизни:

Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом,
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами. (I, 180)

Счастье иметь друзей по духу, по перу, – это и есть подлинное человеческое счастье, и автор жалеет тех, кто не увидел, не разглядел его и пытается найти его в туманных грезах:

Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а на яву
Свою любовницу ласкает!..
(«Из письма к кн. П.А. Вяземскому»; I, 180)

Исследовательница жанра послания в лирике А. С. Пушкина Т. Г. Мальчукова следующим образом резюмирует особенности лицейской образности: «В лицейской лирике Пушкина гражданские темы раскрываются во французском вкусе – «летучей», легкой» (“*poesie fugitive*”), – и в духе русской поэтической традиции. За этим скрывается реальная действительность – школьное затворничество поэта и его неповторимое мировосприятие. Юношеское веселье и оптимистическая жажда жизни сливаются с созвучной гедонистической проповедью, а реальные переживания, дружеские излияния, первые сердечные увлечения, язвительные насмешки, живая игра воображения, житейские наблюдения – вся эта удивительно разнообразная гамма мыслей и чувств выливается в устойчивое русло традиционных тем и мотивов и покрывается заметным покрывалом эпикурейской мудрости»¹.

Известное единство лицейских посланий Пушкина 1814 – начала 1816 года создается проникающим их жизнеощущением. Это настроение оптимизма, беззаботности, счастливой праздности, наслаждения вином и любовью, это жизненный идеал, имеющий в значительной степени литературное происхождение.

Событие, связанное с происшествием 5 сентября 1814 года, вероятно, легло в основу стихотворения – «Пирующие студенты» (1814 года), написанного в форме шуточной пародии на «Певца во стане русских воинов» Жуковского, откуда взяты размер (сочетание трех- и четырехстопного ямба) и

¹ Мальчукова Т.Г. Жанр послания в лирике А.С. Пушкина. Петрозаводск, 1987. С. 46.

строфа с перекрестной рифмой. Вместо перечисленных у Жуковского героев 1812 года, здесь реальные лицейские друзья Пушкина, собравшиеся на пирушку, каждый из которых характеризуется одной доминирующей чертой: Галич – «эпикуров младший брат», воплощение житейской мудрости, Дельвиг – «ленивец сонный», Илличевский – «остряк любезный», Горчаков – «сиятельный повеса», Пущин – «друг прямой», Яковлев – «Роде записной», Кюхельбекер – «писатель за свои грехи». В этих характеристиках, как отметил А.Л. Слонимский, сказывается оригинальная особенность Пушкина: это умение варьировать тон, в зависимости от того, о ком он говорит или к кому обращается¹. Послания Пушкина (впрочем, как и его письма), характеризуют не только его отношение к тому или иному лицу, но и самое это лицо. Это черта далеко не обычная. В посланиях Карамзина, Державина, Дмитриева, Жуковского, Батюшкова, В.Л. Пушкина нет ни определенного отношения к адресату, ни лица этого адресата. Автор и адресат здесь абстрагированы от действительности, не имеют никаких житейских примет. Иные взаимоотношения мы отмечаем у Пушкина. В его обращении к Пущину звучит особая сердечная нота:

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку...
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем –
И тотчас помиримся. (I, 60)

Тут не только «прямой» характер Пущина, но и живой жест рукопожатия, и неизбежные между близкими друзьями временные размолвки, о которых вспоминал позднее и сам Пущин. И этот тон сохранился во всех последующих обращениях к Пущину – имя его всегда сопровождается ласковым «мой»:

...Поэта дом опальный
О Пущин мой, ты первый посетил
«19 октября 1825 года»; II, 424)

Мой первый друг, мой друг бесценный...
(«Пущину», 1826; III, 139)

Несколько иной оттенок отмечен в отношениях с Дельвигом, товарищем не только по школе, но и по музам. Тут та же нежность, хотя заметнее примесь шуток:

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!..
За здравье нашей Музы пей,
Парнасской волокита... («Пирующие студенты»; I, 60)

¹ Слонимский А.Л. Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 19–20.

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник...
Изменник! С Аполлоном
Ты, видно, заодно. («К Дельвигу»; I, 142)

А в строках, посвященных Кюхельбекеру, сквозит язвительная насмешка в адрес его творческих потуг:

Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее. (I, 62)

В 1815 году произошло знакомство Пушкина с гусарами полка, квартировавшегося в Царском Селе, он познакомился со стихами «вакхического плана», отразившими внешнюю сторону гусарского бытия: собрания «друзей-собутыльников», пирушки, заканчивающихся на рассвете, когда «все мертвецки пьют и, преклонясь челом, засыпают молодецки»¹. Но исключительно важными для молодого поэта были живые разговоры, впечатления от походов, которые он впитывал. Литературная традиция и жизненные впечатления, анакреонтика и разгул гусарских застолий – все соединилось в пушкинских строках.

Наиболее непринужденные, интимные стихи Пушкина-лицеиста посвящены Пушину, лучшему другу, «брату по судьбам». 4 мая – день его рождения, и друг-поэт не мог не откликнуться на такое событие, придя на праздник:

Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой...
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты! (I, 119)

Неразрывность «веселости и Эрота», «сердечной простоты» и «кубка пуншевого» для полноты счастья в представлениях молодого поэта связывается опять же с дружеским застольем:

Устрой гостям пирушку;
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час... (I, 119)

И, как отзвук гусарских пиров, звучит:
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой... (I, 120)

¹ Давыдов Д.В. Песня старого гусара // Полн. собр. стихотворений. Л., 1933. С. 85.

Веселье и радость общения с друзьями, наслаждение жизнью во всех ее проявлениях должны сопровождать поэта до самой смерти:

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок, наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш! (I, 120)

Грациозная изысканность стиля и трогательная нежность послания говорят уже не о литературных изысках, но о подлинности чувств братской нежности и любви, которой поэту так недоставало в семье, и которую он нашел в «семье лицейской».

Совершенно особое место в ряду лицейских посланий занимают послания к А. Горчакову, лицейскому товарищу поэта. Одно из них, – «Князю А.М. Горчакову», было написано в августе 1814 – в честь его именин. Это уже не традиционное послание карамзинистского типа с обязательным набором сентиментальных реалий: хижиной поэта – философа, гораццианской проповедью умеренности, удаления от невзгод и забот практической жизни, какие он посвятил Ломоносову или Юдину. Нет в нем и той откровенной нежности и ощущения родственной души, как в посланиях Пушкину, Дельвигу. «Это один из тех немногих питомцев, кои соединяют все способности в высшей степени: благородство с благовоспитанностью, ревность к пользе и чести своей, всегдашнюю вежливость, чувствительность с великодушием», – таков отзыв о нем лицейского начальства¹. Товарищи не любили Горчакова, но Пушкин, не находясь с ним в близких дружеских отношениях, как-то тянулся к нему, «по-видимому, его беззавистно привлекал к себе Горчаков как образец всесторонней удачливости, как человек, которому судьба не отказала ни в одном из своих даров»². Намеренно отталкиваясь от «высокого штиля» традиционных карамзинистских посланий, отличавшихся известной дидактичностью и приподнятостью тона, автор пишет приятелю «кой-как стихи на именины» (I, 50). Шутливый тон послания не мешает автору затронуть серьезнейшую проблему будущей карьеры, жизненного пути знатного лицейского питомца, желая ему «богатства, громких дней, крестов, алмазных звезд, честей» (I, 50–51). Эта тема будет постоянно развиваться в последний год пребывания в Лицее, когда разность жизненных путей увидится поэтом во всей очевидности. А пока «поэт сладострастия», уже хорошо знакомый с богом истинного вдохновения и поэзии, Аполлоном, вводит адресата в пре-

¹ Вересаев В.В. Спутники Пушкина. Т. I. М., 1935. С. 90.

² Вересаев В.В. Указ. соч. С. 90.

красный мир Анакреона, мир пиров, веселья, поэтического вдохновения и любви. И из любви к имениннику автор насмешливо уступает ему честь умереть, «вступая в мрачный челн Харона», стража загробной жизни, уснув «Ершовой на грудях», предмете всеобщего увлечения 1814 года. Данное стихотворение – дань приятельскому типу дружбы, которая по-своему была дорога поэту. Озорной юмор, добрая усмешка господствуют в послании, тень переживаний еще не омрачает радостей лицейской жизни. Амур еще не задел поэта своими стрелами.

В стенах Лицея молодого поэта посещали Карамзин, Вяземский, Жуковский. Это были годы бурной деятельности «Арзамаса», заочным членом которого состоял Пушкин. Но в лирике поэта вдруг исчезают темы радости жизни. Вместо них господствующим настроением становится печаль, тоска, уныние. Автор теперь разоблачает пустоту, надуманность прежних тем, иронически относится к прошлым «парнасским забавам», т. е. традиционному воспеванию любви, вина, вакхической дружбы: Угодник Бахуса, с веселыми друзьями

Бывало пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил,
Иль Дружбе плел венок – и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало... («К Шишкову»; I, 233)

Поэт еще вспоминает об том времени, когда он «нежился в приятном ослепленьи», с сожалением: «... не скрылись от меня парнасские забавы» (II, 515). То время безвозвратно пролетело, теперь же «строгим опытом невольно пробужден, уснув меж розами, на тернах я проснулся», – сетует поэт, и, отказываясь от прежних тем, единственное, ради чего он решается жить –

Друзей любить открытою душою,
В молчанье чувствовать, пленяться красотой –
Вот жребий мой. (I, 233)

Взамен традиционных образов и мотивов в «дружеской» поэзии Пушкина появляется пережитое, личный опыт, собственная мысль поэта. Тема дружбы в 1816 году отходит у автора на задний план, уступая место любви. Первая, платоническая, истинно поэтическая любовь действительно пришла к поэту в это время; но любовь эта была безнадежной, точнее это – мечта о любви, а не реальное чувство. Отсюда элегические строки той поры:

Любовь одна – веселье жизни хладной,
Любовь одна – мучение сердец. (I, 214)

Автор «завидовать не смеет» сладострастным Тибуллу и Парни – певцам счастливой любви: «Не тот удел судьбою мне назначен». (I, 215). Он ждет и не находит ответа на свое чувство, унылая природа не внимлет поэту так же, как и любимая. Приходит вдохновенье, но, не обогретое любовью, уходит, не донося «страдальца глас» к предмету любви:

...она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым
К чему мне петь? («Любовь одна веселье жизни холодной»; I, 215)

Одна любовь может теперь дать счастье поэту:

Я все тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне... (I, 200)

Но вот «пробил последний счастьем час», и только дружба может утешить страдальца, стать прибежищем от душевных мук: «Утешусь я – и дружбы тихий взгляд // Души моей холодный мрак осветит» (I, 200). Но и она – лишь слабое лекарство, спасающее от острой сердечной боли, но не способная полностью закрыть душевных ран: «Рассеянный, сижу между друзьями, // Невнятен мне их шумный разговор, // Гляжу на них недвижными глазами, // Не узнает уж их мой хладный взор!» («Разлука»; I, 201)

«Мрачная любовь милей «светлой дружбы» для безнадежно влюбленного:

Но мрачная любовь таилась во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. Я молчал. («Элегия»; I, 220)

Дружба осознается как слабое утешение в несчастной любви, она лишь ее противоядие, но, действуя медленно, лишь одна «отрадная звезда» способна довести страдальца «до пристани надежной»:

...на голос мой унылый
Мне Дружба руку подала,
Она Любви подобна милой
В одной лишь нежности была.
Я ей принес увядши розы
Отрадных юношества дней,
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей. (I, 249)

Если раньше для поэта дружба – счастье, а часы, проведенные с друзьями, – лучшие моменты жизни, то теперь автор близок точке зрения Карамзина: счастье – это любовь, утешение в ней, а дружба приобретает смысл при невозможности счастья:

Каков ни есть подлунный свет;
Хотя блаженства в оном нет...
Но мы для света рождены,
И должны в нем, мой друг, остаться.
Чем можно, будем наслаждаться. (144)

Дружба лишь тогда любезна,
Когда с любовью равна. (196)

Являясь прибежищем от страданий любви, она, тем не менее, стала более необходимой поэту, более близкой. Но речь идет только о настоящей, истинной дружбе. В это время возможны встречи с Кавериным, Чаадаевым, но они никак не отражаются в поэзии Пушкина, в 1816–1817 годах мы не прочтем ни одного анакреонтического послания, прославляющего веселое застолье. Приятельская дружба, видимо, уже не удовлетворяет поэта, так как не может служить утешением в любви. С ней можно прославлять Бахуса, но ей невозможно поверить сердечные тайны, поделиться сокровенными мечтами:

Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнулся я. («Друзьям»; I, 219)

Даже в широком кругу приятелей поэт один на один со своей тайной, несбывшимися надеждами. Реальная влюбленность позволила оценить и настоящую дружбу. Она не может заменить любви, но поэт благодарен ей за поддержку и довольствуется ей, не отказываясь от теплого дружеского участия, как раньше отказался от «вакхической» дружбы:

Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей. («Мое завещание друзьям»; I, 128)

Неслучайно «маки и лилей», символы грез и душевной чистоты, сопутствуют любви и дружбе. Без мечтаний, надежд и честности чувств невозможна жизнь поэта. Любовь посетила поэта, а с нею он узнал и истинную цену дружбе. Дружба им как бы не замечалась, Пушкин жил среди друзей и был этим счастлив, не думал идеализировать те отношения, которые были с товарищами. Но «лета соединенья» близились к концу, перед приходом новой жизни поэт боится расстаться с лучшим из его прошлого, и он стремится утвердить вечными прежние связи, которые будут для него спасением от одиночества:

...Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный –
Мои стихи пускай умрут –
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут! («В альбом Илличевскому»; I, 258)

Раздумья о своей судьбе не покидают Пушкина. В Лицее были все равны, но что-то ждет их за его порогом? Не случайно автор эти размышления посвящает А.М. Горчакову, разность судеб с которым он не может не предвидеть:

Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след. («Князю А. М. Горчакову»; I, 254)

Он понимает, что возможности карьеры вчерашнего «сиятельного повесы» и его несопоставимы. Поэтому оправдано элегическое настроение, охватившее автора: «Я счастлив был, не понимая счастья...». Но главные раздумья все же – не о карьере, а о невозможности счастья, воспоминания о несчастной любви:

Я знал любовь, но я не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл. (I, 255)

Мысль о превратностях любви полностью завладела поэтом, без нее он не мыслит себе не только жизни, но и смерти, озаренной приходом «друга сердца». Но такая любовь – лишь в мечтах. В реальности остается дружба: «И в жизни сей мне будет утешенье // Мой скромный дар и счастье друзей»(I, 256). Именно поэзия и дружба – главные темы «прощальных» лицейских стихотворений Пушкина, именно дружба во всех жизненных испытаниях согревала сердце поэта:

Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья. («В альбом Пушкину»; I, 262)

Родство по духу порой гораздо важнее родства кровного, и Пушкин, если не прямо ставит дружбу выше любви, но отмечает, что она долговечнее:

Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла ... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он! (I, 262)

Тоска расставания сквозит в стихотворении «1817 года, посвященном Кюхельбекеру: «...прошли лета соединенья; // ...разорван он – наш верный круг! (I, 263). Тоска исходит не от традиций Парни или Мильвуа, а от выстраданного чувства. Необычно серьезный, даже торжественный тон послания, и клятвенное обещание (где б ни был я: в огне ли смертной битвы, // При мирных ли берегах родимого ручья, // Святому братству верен я!; I, 263)), и особая символика – «святое братство» – все это явилось выражением ка-

ких-то новых черт в отношениях Пушкина и Кюхельбекера. Клятва поэта в верности, свободе, дружбе «святому братству» – все это близко ритуалу «артели Бурцова», вольнолюбивого кружка, куда входил Кюхельбекер.

Позднее поэт напишет много горьких слов о дружбе и друзьях, но никогда ни одного упрека не раздастся в адрес лицейских товарищей, совершенно особых друзей в ряду всех друзей.

Многословные, велеречивые послания карамзинистского типа с прославлением простодушной дружбы, уединения с «другом милым», Пушкин обращает либо к вымышленным адресатам («Городок» – К ххх), либо к тем, с кем у него не были тесных дружеских связей. Если для карамзинистов дружба – утешение в мире без идеала, то уже для Пушкина дружба и есть идеал, счастье, лучшее в жизни. Известное единство лицейских посланий Пушкина 1814 – начала 1816 годов создается проникающим их жизнеощущением – настроением оптимизма, беззаботности, счастливой праздности.

С середины 1816 года в лирике поэта исчезают темы радостей жизни. Вместо них господствующим настроением становится тоска, уныние. Автор разоблачает никак не связанную с реальностью вакхическую дружбу («К Шишкову»). В это же время тема дружбы отходит на задний план, уступая место любви. Если раньше для поэта дружба – счастье, то теперь автор близок к точке зрения Карамзина: счастье – это любовь, а дружба утешает лишь при невозможности счастья. («Разлука», «Элегия»). В 1817 году, в преддверии выпуска из Лицея и в предчувствии скорой разлуки с друзьями, в лирике Пушкина вновь актуализируется тема дружбы, поэт стремится утвердить вечным «лицейское братство» («В альбом Илличевскому», «В альбом Пушину», «Разлука»). Поэтизация союза дружбы и любви становится главной темой и «прощальных» лицейских стихотворений Пушкина.

Литература

- Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., 1984.
Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Ниж. Новгород, 1994.
Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1996.
Стихотворения Пушкина. 1820–1830-х годов. Л., 1974.
Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990.
Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988.
Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1968.
Kinneavy J. A study of three contemporary theories of lyric poetry. Washington, 1956.
Krafft J. Q. La forme et l'idee en poesie. Paris, 1944.
Lehnert H. Struktur und Sprachmagie: Zur Methode der Lyrikinterpretation. Stuttgart, 1966.
Pestalozzi K. Die Entstehung des lyrischen Ich: Studien zum Motiv der Erhebung in der Lyrik. Berlin, 1970.

- Spinner K.-H.* Zur Struktur des lyrischen Ich. Frankfurt a. M., 1975.
Thalmann M. Gestaltungsfragen der Lyrik. München, 1925.
Voege E. Mittelbarkeit und Unmittelbarkeit in der Lyrik. Darmstadt, 1968.
Wege zum Gedicht / Hrsg. R. Hirschenauer. München, 1962.
Zur Lyrik – Discussion / Hrsg. R. Grimm. Darmstadt, 1974.
Andrew J. Writer and society during the rise of Russian realism. London, 1980.
Bayley I. Pushkin: A comparative commentary. Cambridge, 1971.
Brang P. Untersuchungen über Pushkins Verhältnis zur Sprache. Marburg, 1952.
Briggs A.D.P. Alexander Pushkin: A critical study. Totowa (N. Y.), 1983.
Forberger A. Die dichterische Metapher, untersucht in der Versdichtung Puskins. München, 1974.
Gutsche G. The Elegies of A. Pushkin. Wisconsin, 1982.

Сведения об авторе:

Александр Андреевич Смирнов,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Тел. +7 (495) 670–36–77

Alexander Smirnov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a41smirn@yandex.ru